

въ плицѣ). Можно представить себе дело так, что автор вначале написал *а живото есть у мнь розграбилѣ* — фразу столь же законченную по смыслу, как и *сноху есть у мнь убилѣ*; но потом он решил уточнить, кто и как. Полным выражением для этого было бы: *лѣзни розграбилѣ ма въ плицѣ* (с интонационным выделением слова *лѣзни* и тем самым с ритмико-интонационным барьером после него, в результате чего энклитика *ма* оказалась после глагола). Но в этой фразе слово *розграбилѣ* было простым повторением уже написанного слова, и подразумевалось бы, даже если бы его не было; и автор его опустил, не меняя ничего остального.

Для формы *поедѣмъ* ср.: *атъ поѣдомъ возьмемъ княза* (Ипат. [1175], л. 209).

Перевод: ‘... сноху мою избили и добро мое разграбили — (разграбили) меня бродяги в суматохе (в драке, в побоище). И с делом о снохе и о грабеже поедем в город, положивши куну...’.

№ 270 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [3]. В 1-й строке в *Окру...* начальная буква — широкое очное *о* (а не просто широкое). В конце 2-й строки после *а что земля* имеется еще точка и буква *п*.

№ 274 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 57) [Г]. В первой строке вместо *пошлѣ* следует читать *пошло*. Это уточнение делает наиболее вероятной следующую реконструкцию фразы: *(За Дмитромъ пошло 10 рубльвъ, а браѣ не надоби* (выбор варианта *Дмитромъ*, а не *Петромъ*, обусловлен принадлежностью грамоты к одному блоку с № 275/266, где упоминается Дмитр, см. ДНД₂: 604). Следует думать, что перед нами расписка, фиксирующая раздел наследства. Ближайшую аналогию составляет грамота № 198 (посл. треть XIII в.): *Ѡ Съмьюна. Съ возало есмь у Храра задницю Шибньцьву, а боль нь надобѣ никому*. Уместность употребления в данном контексте глагола *поити* может быть продемонстрирована приведенным в ДНД (с. 163) примером из Русской Правды: *аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за княза задница не идетъ*. Ср. там же пословицу: *Слава те Господи, день прошол, да за хозяина руб зашол* (Арханг. слов., 11: 27). Использование в нашем тексте конструкции с творительным, а не с винительным падежом объяснимо тем, что ситуация трактуется здесь не как акт передачи денег в собственность, но как констатация уже существующего положения дел. Аналогичным образом в конструкциях с *пошло*, широко представленных в докончаниях Новгорода с князьями, варьируются формы дательного падежа и притяжательных местоимений. Ср.: *А что пошло князю, а то княже; А позже, княже, что твое и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ* (ГВНП, № 1, с. 10; № 3, с. 12).

№ 276 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 57) [3]. Грамота (от которой сохранились только первые две строки) была в издании прочитана так:

поклоно Ѡ ѡдрѣа со братию ко василию і ко сидру
была жалоба передо вами і попьѣми | ...

Слова *со братию* вынесены над строкой, причем над ними имеется еще дуга (над частью *бра*) — очевидно, знак выноса.

В отрезке *попьѣми* буква *е* — стопроцентно надежная. Никаких шансов на чтение *ы* вместо *ѣе* (которое было предложено в работе Крысько 2000 и от которого сам автор позднее отказался [Крысько 2007: 140]) нет.

Напомним, что предложенное издателями прочтение *попьѣми* как Т. мн. со значением ‘попами’ явно неудовлетворительно (см. об этом Крысько 2000 и 2007). Предположительное чтение ДНД₂ (*попѣ еми...*) наталкивается на отсутствие удовлетворительной конъектуры для *еми...* Все это показывает, что держаться за прочтение *попьѣми* как за единственно возможное, несмотря на его кажущееся правдоподобие, не следует.

Рассмотрим более внимательно интересующий нас отрезок на опубликованной в издании прориси грамоты. Конец второй строки выглядит на этой прориси так:

ПЕРЕДО ВАМИ ПОПЪ ЕМИ

Сразу видно, что буква после *по* резко отличается по своему виду от П в слоге *пе* и в слоге *по* (равно как в слове *поклоно* в начале грамоты). Если это всё-таки П, то совершенно уродливое или просто недописанное.

Между тем буква Г довольно часто пишется в грамотах именно так (в самой грамоте № 276 этой буквы в других словах нет). Вот, например, как выглядят некоторые экземпляры букв П и Г в грамоте № 243 (того же времени, что № 276):

П П

Таким образом, неудовлетворительная форма *попъеми* в действительности в тексте отсутствует. Чтение *попъеми* несомненно возникло у первых интерпретаторов ровно в силу того, что слово *попъеми* казалось понятным, тогда как чтение с буквой *г* не давало никакого смысла и к тому же выглядело как нечто фонетически неправдоподобное. А в дальнейшем гипноз первого прочтения прочно владел всеми последующими толкователями.

№ 276 [Г]. На этом корректировка данного пассажа не остановилась. Детальное изучение новой фотографии грамоты показало, что следующая за Г буква до сих пор тоже интерпретировалась неверно. Горизонтальный штрих, представленный на опубликованной в издании прориси и трактованный как основание буквы Ъ, в действительности отсутствует.

Можно было бы, конечно, предположить, что низ от ѣ остался на утраченной части листа. Но в таком предположении нет необходимости. Видимая фигура без каких бы то ни было натяжек трактуется как другая буква — З, той модели, которая в Палеогр. была неслучайно определена как «Ъ-образная» и которая хорошо представлена в грамотах XIV в. (см., например, № 457, 252). Последовательность *погземи* допускает, по-видимому, единственную интерпретацию: перед нами сочетание *по Гземи*, в котором представлена форма М. ед. гидронима *Гземь*, соотносимого с названием ручья *Гзень*, протекавшего в окрестностях Неревского конца. Первоначальный вид этого гидронима — *Къземь* — отражен Синодальным списком Новгородской 1-й летописи. Вариант **Къземь* (> *Гземь*) отличается от него морфологически, будучи оформлен как *i*-основа.

Очевидно, словами *и по Гземи* начиналась новая фраза: ‘была жалоба перед вами, и по Гземи...’ (далее могли упоминаться, например, какие-то угоды, располагавшиеся на Гзене/Гземи).

№ 277 (40-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 52) [3]. Написание *буше* ‘будешь’, по-видимому, следует расценивать не как описку писца, а как раннее проявление тенденции к стяжению этой высокочастотной словоформы (вероятно, отчасти под влиянием синонимии форм *хочешь* и *хошь*). Ср.: *иже бо юму ксть рекль се, яко «да буши похабъ мене дѣла ...»* (Житие Андрея Юродивого, л. 4 об.).

№ 279 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 53) [3]. Судя по новой фотографии, перед обрывом вместо *и ккъ* ст... следует читать *и к кост[ъ]*... (т. е., возможно, ‘и к Костке’). Буква после *кк* — это *о*, переправленная из *ъ* (судя по конфигурации штрихов, обратное маловероятно). В левой части той же строки вместо *к[ъ]* (*ма*)[*ѣ*]*иму* следует читать *к [м](а)[ѣ]иму* (причем *м*, по-видимому, наложено на *о*).

№ 280 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 52) [Г]. Вместо *ѣ таймени ако[л]и н[о](...)* следует читать *ѣ таймени ако[л]и[х]о* ‘5 тайменей Яковлевых’. На этом текст грамоты, по-видимому, заканчивался.

№ 280 [3]. В левом верхнем углу соскобленные буквы [*допр*] (или [*депр*]).